И. И. Елисеева

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ ПРЯМЫХ РОДСТВЕННИКОВ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ[1]

Отмечая дефицит современных прикладных социологических исследований всероссийского масштаба по проблемам семьи и межпоколенных отношений, автор концентрирует свое внимание на методологических аспектах проектов такого рода. Обсуждаются такие вопросы, как определение объекта исследования, формирование выборки, программа исследования, методы анализа и моделирования. Делается попытка сравнения содержания понятий «расширенная семья» и «семейная группа». Проблема семейных групп рассматривается в контексте линии жизни как последовательная цепь событий: а) выделение индивида из родительской семьи; б) проживание с партнером. Отмечается возможное нарушение этой последовательности в условиях России. Подчеркивается значимость построения логит-моделей в связи с расширением спектра выбора в поведении индивидов в отношении вступления в брак, регистрации брака, рождения ребенка или отказа от детей, ухода за престарелыми прародителями и прочее.

Ключевые слова: семья, семейная группа, расширенная семья, поколение, межпоколенная связь, трансфер, асимметрия, контакт, модель.

Введение

В настоящее время прикладная российская социология переживает сложный период дефицита полноценных крупномасштабных эмпирических исследований, основанных на репрезентативных стратифицированных выборках. Это дорогостоящие работы. В постперестроечный период они проводились в основном за счет зарубежных, преимущественно международных организаций и были нацелены в первую очередь на изучение негативных явлений в российской жизни: алкоголизации населения, потреблении наркотиков и психотропных средств, проституции, преступности и доверии населения к милиции / полиции, распространенности и профиле бедности и т. п.

[1] Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучие детей: публичное и приватное измерения», № государственной регистрации АААА-А17–117030110147–4).

Проблематика социологии девиантного поведения и социального контроля, а также социального неравенства отодвинула на задний план исследования семьи, межпоколенных отношений.

Важным шагом в развитии эмпирических исследований в России стало создание выборочной сети до сих пор существующего лонгитюда РМЗЭ, реализуемого НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины и Института социологии РАН, а также проведение НИСП двукратного массового обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004 г. и 2007 г.). Однако и в этих обследованиях проблемы взаимосвязей и взаимодействия прямых родственников, представляющих разные поколения, не были основным предметом изучения. Лишь теперь феномен семьи, связи поколений начинает обозначаться в российской социологии как особая тематическая область, да и то в большей мере с позиций противостояния молодого поколения («поколения Z») старшему поколению (Отцы и дети 2005; Иванова 2016). Не отрицая воздействие экстерналий, отметим и иную направленность исследований, нацеленных на более глубокое понимание значения семьи, родительства, детства, взаимных обязательств, понимание того, что в стремительно меняющейся реальности индивид нуждается в неких паттернах, среди которых семья, родительство занимают далеко не последнее место. Из современных исследований, посвященных межпоколенным связям, отметим работы А. А. Мироновой (см., например, Миронова 2016) и О. Н. Бурмыкиной (Бурмыкина 2015, 2016). В работах А. А. Мироновой содержатся подтверждения ранее полученных результатов о значимости межпоколенного взаимодействия, его асимметричности, наличии и структуре межпоколенных трансферов (в рамках взаимодействия прямых родственников разных поколений), зависимости от характеристик представителей поколений (возраста, занятости, состава домохозяйства и др.) (ср., например, Миронова 2016; Ружже и др. 1983). Важный шаг к осмыслению семьи как сетевой структуры и включению российского контекста в канву зарубежных исследований сделан О. Н. Бурмыкиной (Бурмыкина 2015). Нельзя не отметить обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов, выполненный Е. В. Гладниковой (Гладникова 2009), а также диссертацию И. Ю. Крецер «Социокультурные паттерны родственных отношений в условиях больших городов (на примере Санкт-Петербурга)», в которой обозначены координаты усложнения родственных связей при наличии сиблингов (Крецер 2017).

Зарождение системного исследования межпоколенных контактов, их функциональной направленности, интенсивности и основных факторов поддержки связано с нашими работами 1970-х — 1980-х гг. (см., например, Ружже, Елисеева, Кадибур 1976, 1983). В этих и других публикациях обоснованы принципы жизнедеятельности и типологии семей прямых родственников разных поколений, раскрыты механизмы и основополагающие факторы их взаимосвязей и взаимодействия. Задача данной статьи состоит в том, чтобы обозначить контуры методологических аспектов изучения этой проблемы с позиций итогов прошлых исследований.

Определение объекта исследования. Формирование выборки

Современная распространенность термина «домохозяйство», а не «семья» объясняется растущей долей одиночек как особого типа домохозяйств, наличествующего и среди молодого поколения, и среди пожилых. По данным ВПН-2010, домохозяйства, состоящие из одного человека, составляли 14% российских домохозяйств, тогда как по переписи 2002 г. — 11,8%. Среди домохозяйств из двух и более человек, согласно данным ВПН-2010, 44% имели детей моложе 18 лет, по данным ВПН-2002 таких домохозяйств было 52%[2]. При этом семья остается основной формой организации приватной жизни россиян (89% населения страны проживают в семьях).

Семья характеризуется общностью пространства жизнедеятельности, сложившимся ритмом повседневности, совместным владением и использованием недвижимости, как нажитой за период существования семьи, так и наследованной. Одной из важнейших функций семьи является репродуктивная функция, соответственно, в семье, как правило, растут дети (по данным ВПН-2010, только 16,6% брачных пар не имеют детей)[3]. На определенном этапе происходит выделение сына или дочери из родительской семьи. Это событие может быть вызвано вступлением в брак или сожительство либо не быть непосредственно связано с сексуальной жизнью. Можно ожидать, что эта связь проявится с некоторым лагом, поскольку пространственная обособленность

[2] Всероссийская перепись населения 2010 // Демоскоп. 2011. № 491–492, 19–31 августа. [Электронный ресурс]. URL: demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php (дата обращения: 03.11.2017).

[3] ВПН-2010, т. 6.

молодого человека и ведение собственного хозяйства в большинстве случаев приводит к созданию семьи нового поколения.

Самостоятельность молодой семьи не означает разрушения межпоколенных контактов (Голофаст 2006; Миронова 2016; Бурмыкина 2015, 2016). Они проявляются в установках старшего поколения на заботу о младшем, а молодых — о родителях. Поддерживается своего рода «межпоколенный контракт», составляющий важную компоненту повседневной жизни. По своей эффективности и гибкости, умению приспособиться к изменившимся условиям взаимодействие семей прямых родственников разных поколений намного опережает действенность публичных институтов.

В самом начале исследований, т. е. в 1970-е гг., нами был введен термин «семейная группа», подчеркивающий особенности изучаемого объекта. Нельзя сказать, что прошедший с тех пор почти 50-летний период подтвердил укорененность этого термина в российской социологии. Вместе с тем не выявились и какие-либо принципиальные противопоказания его использования. В принятой нами концепции объект исследования — семейная группа — представлен двумя нуклеарными семьями (домохозяйствами) разных поколений, связанных прямым родством и потребностью во взаимном общении и взаимопомощи. Такое ограничение объекта исследования соответствует модальным типам семей прямых родственников.

В 1990-е гг. появилось понятие «расширенная семья» (extended family). Обычно его использование опирается лишь на один аспект — наличие и постоянство родственных связей, но не нацелено на разделенность, автономию семей, частота контактов не оговаривается (см., например, Bengston 2001; Сюй Аньци (Xu Anqi), Сюэ Яли (Xue Yaly) 2015). Соответственно, в тематику исследований расширенной семьи не включается такая важная характеристика, как пространственная дистанция между семьями (домохозяйствами) прямых родственников разных поколений. Результаты наших исследований показали зависимость частоты межсемейных контактов от удаленности проживания: существенное снижение частоты контактов наблюдалось при затратах времени на дорогу, превышающих полчаса (Ружже и др. 1983). В исследованиях А. А. Мироновой «критическое значение» дистанции увеличилось до одного часа (Миронова 2016). В США при аналогичной постановке задачи был установлен ареал, покрывающий территорию трехчасовой доступности, и только превышение этой дистанции показало снижение активных межпоколенных контактов (посещений).

Методологические проблемы изучения такого специфического образования, как «семейные группы», проявляются уже на стадии организации массового социологического исследования. Совершенно очевидно, что генеральные параметры отсутствуют: сколько семейных групп имеется в стране, регионе, конкретном поселении, какова структура и средний размер домохозяйства молодого поколения и домохозяйства старшего поколения, каков характер их взаимодействия — эти и другие характеристики семейных групп могут быть получены лишь эмпирическим путем, a posteriori. Соответственно, формирование выборки путем случайного или механического отбора исключается за отсутствием того, что принято называть frame, т. е. сведений о генеральной совокупности. Широко практикуемый метод «снежного кома» не позволит узнать, какова распространенность семейных групп и как живет это образование, в котором автономные интересы каждого домохозяйства сочетаются с общими, создающими новые стимулы. Достоверную информацию может дать только непредвзятый отбор.

Обеспечить объективность выборки позволяет использование принципов пространственного отбора (при условии неукоснительного следования принятым правилам). Если проект осуществляется в крупном городе, то предварительно проводится зонирование его территории по характеру застройки и плотности заселения. То же относится и к территории муниципалитетов. Очевидна целесообразность организации многоступенчатой выборки. За единицу отбора на первой ступени может быть принята территория, обслуживаемая одним почтовым отделением (или соответствующая одной избирательной комиссии). Территориальные ячейки отбираются по выделенным зонам пропорционально численности населения. Далее определяется центр каждой территориальной ячейки (по максимальной плотности), рассчитывается число домохозяйств, приходящихся на данную территориальную ячейку, после чего в домах, отнесенных к ее центру, проводится сплошное посещение жилых помещений. Программа обследования каждого отдельного домохозяйства определяется ответом на вопрос: «Есть ли у Вас (Вашего мужа / жены) родители, проживающие в данном поселении, с которыми Вы поддерживаете регулярные контакты (не реже одного раза в месяц)?» При отрицательном ответе опрос завершается. При утвердительном ответе интервьюер задает все остальные вопросы программы обследования.

Такая организация сбора данных позволит установить важнейшую характеристику: распространенность семейных групп в структуре

домохозяйств, т. е. долю домохозяйств разных поколений, связанных прямым родством и проживающих в пределах одной административно-территориальной единицы. Сравнительно низкая миграционная подвижность россиян приводит к тому, что примерно у 67% домохозяйств имеются прямые родственники (родители или дети) в пределах данной территории (Голофаст 2006), из которых 80% могут быть отнесены к семейным группам по критерию частоты контактов — реальных или виртуальных (не реже одного раза в месяц).

В наших обследованиях опрос проводился в каждом втором жилом помещении (Ружже и др. 1983). Однако при этом возникает вероятность смещения результатов, которая при сплошном наблюдении отсутствует. Объем выборки может быть определен, исходя из потребностей последующего анализа: устанавливается максимальная размерность двумерной или трехмерной таблицы сопряженности и задается минимальная численность единиц в каждой клетке таблицы (см. Ружже и др. 1983: 33). Такой расчет не исключает определения объема выборки, обеспечивающего требуемую точность результатов по тем переменным, по которым это можно сделать.

Заметим, что для современных работ характерно невнимание к процедуре сбора данных, их достаточности и репрезентативности. Если прежде публикации социологических работ включали сравнение структур выборочной и генеральной совокупностей по ключевым переменным, то теперь чаще всего социологи сразу же переходят к интерпретации («как показало наше исследование...», «полученные результаты подтвердили...») (см., например, Российская повседневность в условиях кризиса 2009; Иванова 2016).

Межпоколенные связи

V. Bengtson называет три причины повышения значимости межпоколенных контактов: 1) демографическая — увеличение продолжительности жизни, старение населения, в результате чего имеет место совместная долгая жизнь поколений; 2) возрастание значимости прародителей и других родственников в выполнении семейных функций; 3) усиление и повышение гибкости межпоколенной солидарности со временем (Bengtson 2001).

Каждый индивид, взрослея, приобретает друзей, коллег по профессии, и этот круг меняется; меняется место работы, место житель-

ства. В круговороте жизни родственные связи играют роль якоря, базовой компоненты.

Рост продолжительности жизни как глобальная тенденция актуализирует исследования межпоколенных родственных связей в различных контекстах: воспитание новых поколений, уход за престарелыми, взаимопомощь и формы ее проявления — межсемейные трансферты (монетарные и немонетарные), их направленность (от старшего поколения к младшему — «нисходящие», и наоборот — от младшего к старшему, т. е. «восходящие», по терминологии А. А. Мироновой), оказание эмоциональной поддержки и т. д. Рост продолжительности жизни приводит к тому, что объектом исследования могут выступать не три-четыре, а то и пять сосуществующих поколений, связанных прямым родством (Елисеева 2011). Сосуществование, «перехлест» поколений вызывает особые социальные отношения, к изучению которых отечественные исследователи, как уже было отмечено, только приступают (Родители и дети, мужчины и женщины... 2007). Проблемы межпоколенных связей усугубляются неравномерностью замещения поколений: уходят многочисленные когорты, рожденные в послевоенные годы, в 1946–1953 гг., в возраст зрелости вступают родившиеся во времена начала проведения в нашей стране социальной политики, в 1982–1983 гг. На смену им приходят малочисленные группы тех, кто родился в начале-середине 1990-х гг. Новый скачок в увеличении численности последующего поколения связан с внедрением «материнского капитала» (2007–2008 гг.), эффект которого трудно не признать. Рождаемость растет: в 2007 г. общий коэффициент рождаемости составлял 11,3 промилле, а в 2013 г. — 13,3 промилле, в 2016 г. — 12,9 промилле. Причем если в 2007 г. доля первенцев среди родившихся составляла 58,8%, то в 2016 г. она снизилась до 40,4%, а доля рождений вторых детей почти сравнялась с долей первенцев и составила 39,9%[4]. Неравновесность поколений в населении России сигнализирует, что только лишь помощь родственников не может обеспечить уход за престарелыми и их поддержку. Все отчетливее обозначается необходимость активного взаимодействия семьи, государства и бизнеса на рынке оказания таких услуг, как уход за престарелыми, уход за детьми, их воспитание

[4] Важнейшие социально-экономические показатели Российской Федерации в зеркале статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez-3009.pdf (дата обращения: 24.08.2017).

и обучение (Aging, intergenerational relations, care systems and quality of life... 2001).

Проведенные исследования, как отмечалось выше, подтверждают сохранение значимости родственных межпоколенных связей, несмотря на нуклеаризацию семей (Ружже и др. 1983; Миронова 2016; Бурмыкина 2015). Отделение взрослых детей от родителей не приводит к изоляции молодой и родительской семей. Отдельное проживание молодой семьи не означает нежелание стариков участвовать в воспитании внуков и воспринимать внимание и заботу их и детей. Этот вывод опирается на генерализацию множества особенностей в реальных контактах между прямыми родственниками, которые происходят с разной частотой, в различных формах под воздействием состава домохозяйств как молодого, так и старшего поколения, занятости и других факторов, а также пространственно-временной дистанции между ними.

Нами была установлена устойчивая асимметрия трансфертов старшего и младшего поколений (приоритет потребностей младшего поколения), которая нашла подтверждение в более поздних исследованиях (Миронова 2015; Бурмыкина 2015). Малодетность и существенные различия в средней продолжительности жизни мужчин и женщин в России, доходящие до 10 лет и более в настоящее время и сохраняющиеся, в соответствии с прогнозом, до 2030 года[5], приводят к упрощению структуры семейных групп прямых родственников. Однако рост частоты рождений вторых (и последующих) детей, а также другие факторы, которые обсуждаются ниже, будут способствовать умножению и усложнению родственных связей.

Сохраняется значимость наличия в семейной группе ребенка (детей) дошкольного и младшего школьного возраста. Воздействие этого фактора на частоту и мотивацию межпоколенных контактов не снижается. Нами были выделены стадии взаимодействия семей прямых родственников и их зависимость от возраста младшего ребенка: до 3-х лет, 3–6 лет, 7–12 лет. По достижению младшего подросткового возраста (12 лет) ребенок приобретает навыки самообслуживания, так что потребность в повседневном присмотре и бытовой помощи теряет свою остроту. По мере старения родственников происходит переориентация структуры межпоколенного взаимодействия — от приоритета нужд молодой семьи к главенству потребностей родственников стар-

[5] Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 г. Статистический бюллетень. СПб.: Петростат, 2010. С. 46–47.

шего поколения. В наших исследованиях переломными характеристиками оказались возраст женщины в старшей семье (70 лет и более) и ее одиночество (Ружже и др. 1983). А. Миронова получила результаты, подтверждающие отказ от «безвозмездной самоотверженности» старшего поколения, но не в столь пожилом возрасте, а в возрасте 62–65 лет (Миронова 2016). Возможно, это свидетельствует об изменении стандартов жизни, желании пожилых «пожить для себя» в условиях растущего долголетия, а также отражает развитие спектра услуг по присмотру и воспитанию детей, предоставляемых как общественным сектором, так и социально-направленным бизнесом.

Как уже отмечалось, важным условием частоты и характера взаимодействия родственников выступает пространственная дистанция (время, затрачиваемое на дорогу с целью посещения родственников). При затратах времени на дорогу до получаса обеспечивается сохранение интенсивных повседневных контактов, дистанция до часа обеспечивает наличие устойчивого межличностного общения путем взаимных посещений с медианной частотой один раз в неделю, свыше одного часа — приводит к преобладанию виртуальных контактов. Такого рода критические точки, безусловно, существуют объективно, они изменяются под влиянием условий жизни и потребностей людей. Приведенные конкретные значения отражают специфику условий города-миллионника в определенный период. В настоящее время все большее распространение получают межпоколенные коммуникации с помощью технических средств (по телефону, посредством Интернета — по Skype, электронной почте, семейной сети) как проявление возрастающей ценности эмоциональной поддержки родственников при активном участии младших поколений — помощи детей и внуков в адаптации старших к изменению инфраструктуры и атрибутов повседневной жизни, вхождению в повседневность смарт-технологий, использованию технических новшеств. В свою очередь старшее поколение сохраняет свою роль в передаче личного и социального опыта детям и внукам.

Результаты проведенных нами исследований подтвердили сохранение межпоколенных трансфертов в российских семьях, что является непреложным свидетельством существования межпоколенной солидарности (Бурмыкина 2015; Бурмыкина 2016; Миронова 2016).

Нагрузка родственного взаимодействия неравномерно распределяется между поколениями. При наличии четырех поколений, где G_0 — старшие родственники (прародители), G_1 — дети (родители),

G_2 — внуки, G_3 — правнуки, выявлена концентрация эмоциональной и немонетарной нагрузки на поколении детей (G_1). Установлен факт гендерного неравенства в межпоколенном общении: если в России эта нагрузка ложится в основном на женщину в молодой семье (на определенном этапе — на женщину в старшей семье), то, например, в Китае — на молодого мужчину, который по традиции обязан заботиться о своих родителях до конца их жизни, а также о своей семье. Подчеркнем неравномерность нагрузки межпоколенного общения на представителей разных поколений на разных стадиях развития семейной группы: на стадии формирования молодой семьи, ухода за внуками $G_0 > G_1$; по мере старения представителей старшего поколения происходит перераспределение нагрузки — $G_0 < G_1$. Эти соотношения не являются абсолютными и во многом зависят от развитости социальной инфраструктуры и проводимой социальной политики. Например, в Китае, где пенсионная система слабая, основная нагрузка традиционно ложится на сына, G_1, который может иметь свою собственную семью и должен заботиться о своих детях, так что $G_0 < G_1 > G_2$.

Проблема межпоколенных связей приобретает новые грани при распространении сожительств, повторных браков. Возможно, как-то проявится воздействие однополых браков, смены пола и создание семей трансвеститов. Их включение в репродуктивные процессы приведет к проблемам родительства и распределения обязанностей в семье, прежде всего, в отношениях к ребенку / детям. Специфика родственных отношений возникает и при наличии «суррогатных матерей» и «отцов-доноров» (эта тема уже обозначилась). Пока что все эти проблемы вряд ли можно считать актуальными для современных исследований межпоколенного взаимодействия, основанных на количественных методах. Однако очевидна необходимость разработки правовых аспектов возможных коллизий в семейных структурах такого эксклюзивного состава.

Переменные

Чаще всего изучение межпоколенных связей ограничивается тремя поколениями: прародители — родители — дети, звеньями непосредственного общения. Опыт проведенных эмпирических исследований позволяет выделить довольно ограниченный набор переменных, имеющих непосредственное отношение к интенсивности межпоколенных связей (при условии проживания всех поколений в одном городе / территориальном образовании). Это возраст женщины в молодой семье

(поколение G_1, родители), состав семьи родителей, возраст женщины и состав семьи прародителей (G_0), возраст младшего ребенка (G_2), частота посещений, направление контактов и помощи («нисходящее» и «восходящее»), мотивы и содержание контактов, время на дорогу к родственникам, виртуальные контакты посредством интернет-технологий (Skype, электронная почта и т. д.), с чьей стороны прямые родственники старшего поколения (прародители) — со стороны отца или матери (мужа / жены); занятость родителей (G_1), занятость прародителей (G_0); кто обычно осуществляет межпоколенные контакты. Такие переменные, как характер занятия женщин и мужчин в том и другом поколениях, условия жизни, доход могут играть роль второго плана в формировании межсемейных контактов. Событийные факторы лишь корректируют эмоциональную близость родственников. С точки зрения внешних проявлений и возможностей измерения определяющая роль, как показывает наш опыт, принадлежит демографическим характеристикам.

Подходы к моделированию

Ограничив объект исследования тремя поколениями, перейдем к обсуждению подходов к моделированию межпоколенных связей. В приведенном выше перечне переменных выделяется одна — частота посещений (непосредственных контактов), которая может рассматриваться как результативная переменная (y) по отношению ко всем другим ($x_1, x_2, \ldots xn$), выполняющим роль факторов, т. е. объясняющих переменных. Тогда можно представить частоту взаимных посещений как некую функцию:

$$y = f(x_1, x_2, \ldots xn).$$

При этом многие из объясняющих переменных являются неколичественными или могут быть представлены таковыми. При введении в модель им присваиваются метки, т. е. качественные переменные преобразуются в количественные. Такого рода сконструированные переменные принято называть фиктивными (Елисеева, Курышева 2010).

Если исходная переменная (номинальная) является дихотомической, то формируется одна фиктивная переменная, принимающая два значения: $z = 1$ — наличие какого-либо признака и $z = 0$ — его отсутствие. В случае трех градаций (например, для трех уровней образования: высшее, среднее специальное и общее среднее) в модель

вводятся две фиктивные переменные z_1 и z_2. При этом $z_1 = 1$ для высшего образования и $z_1 = 0$ для иного уровня образования; $z_2 = 1$ для среднего специального образования и $z_2 = 0$ для иного уровня образования. Если номинальная переменная имеет κ градаций, то в модель вводятся $\kappa - 1$ фиктивных переменных. Уменьшение на единицу числа вводимых в модель фиктивных переменных по сравнению с числом градаций номинальной переменной связано со стремлением не попасть в «ловушку» при оценивании параметров регрессии, которая возникает при введении в модель фиктивных переменных. Если число таких переменных будет соответствовать числу градаций номинальной переменной, то матрица исходных данных станет вырожденной и оценка параметров модели регрессии окажется невозможной.

Введение в модель фиктивных переменных может преследовать разные цели:

- оценка различий, возникающих в моделируемом показателе за счет особенностей отдельных единиц совокупности при неизменном влиянии других переменных — факторов;
- оценка влияния структурных различий единиц совокупности на характер зависимости объясняемой переменной от объясняющих переменных (факторов), измеренных на интервальной или порядковой шкале;
- оценка влияния номинальной переменной на моделируемый показатель.

Соответственно этим целям, фиктивные переменные используются в регрессионном анализе, анализе таблиц сопряженности и временных рядов.

В случае простого (с одной независимой переменной) линейного регрессионного анализа фиктивные переменные вводятся следующим образом:

$$y = a + bx + cz + e \quad (1)$$

$$y = a + bx + cz + d(xz) + e, \quad (2)$$

где y — зависимая переменная, измеренная на интервальной шкале;
x — независимая переменная (объясняющий фактор);
z — фиктивная переменная, соответствующая двум градациям качественного признака (0,1).

В уравнение (2) введено взаимодействие объясняющей переменной x с фиктивной переменной z.

При большом количестве объясняющих переменных модель (1) принимает вид:

$$y = a + b_1x_1 + b_2x_2 + ... + b_kx_k + c_1z_1 + c_2z_2 + ... + c_mz_m + e. \qquad (3)$$

В модель (3) включено *к* объясняющих переменных (*x*) и *m* фиктивных переменных (*z*).

Поскольку каждая из указанных выше переменных имеет больше двух градаций и является номинальной, число оцениваемых параметров регрессионной модели может составить 14–16. Это означает, что объем выборки должен включать не менее 100 семейных групп, т. е. семей / домохозяйств, разных поколений, связанных прямыми родственными узами. Очевидно, что велика вероятность возникновения эффектов мультиколлениарности, из-за которых многие параметры модели оказываются статистически незначимыми или неинтерпретируемыми.

Возможен иной подход к моделированию, учитывающий структуру связей между самими объясняющими переменными, т. е. построение структурной модели. Для этого должна быть сформирована матрица, основанная на гипотезах о механизмах детерминации соответствующих переменных. При решении задачи на примере изучения связей между тремя поколениями можно построить матрицу, аналогичную представленной в таблице.

Таблица

Исходная структура (условная)

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8
f_1	1	0	0	0	0	0	0	0
f_2	0	1	0	0	0	0	0	0
f_3	0	1	1	0	0	0	0	0
f_4	0	0	1	1	0	0	0	0
f_5	0	1	1	0	1	1	0	0
f_6	0	0	1	0	0	1	0	0
f_7	0	1	0	0	0	1	1	0
f_8	1	1	1	1	1	1	1	1

Примечание: x_1 — расстояние на дорогу, x_2 — возраст женщины в семье прародителей, x_3 — возраст женщины в семье родителей, x_4 — возраст младшего ребенка, x_5 — занятость прародителей, x_6 — наличие брачной пары в семье родителей, x_7 — занятость родителей, x_8 — частота межпоколенных контактов.

Последовательность переменных в матрице определяется их отнесением либо к экзогенным, либо к эндогенным переменным. Модельная спецификация структуры представлена в виде матрицы нулей и единиц. Столбцы матрицы ассоциируются с переменными, а строки — с функциями. Наличие единицы на пересечении *j*-го столбца и *i*-й строки означает, что *j*-я переменная присутствует в *i*-й функции; ноль в этой же позиции символизирует отсутствие переменной в данной функции. В соответствии с исходной матрицей строится система уравнений и производится оценка параметров. Заметим, что структурная модель должна быть предварительно проверена на внутреннюю логическую непротиворечивость.

Семейные группы в контексте линии жизни

Структура семейной группы аккумулирует в себе возраст рождения первого ребенка, продолжительность жизни мужчин и женщин, интенсивность разводов и вступления в брак, возраст выделения из родительской семьи, возраст начала сексуальных отношений, возраст создания устойчивого союза / брака и др. Непосредственно формирование и жизнедеятельность семейной группы зависит от возраста выделения из родительской семьи, рождения первенца, продолжительности жизни, разности в продолжительности жизни мужчин и женщин. Из всего множества характеристик главную роль играют возраст отделения сына или дочери от родительской семьи, начало жизни с партнером и становление родительства.

Линия жизни индивида представляет собой многомерный процесс, т. е. серию процессов, каждый из которых имеет собственные характеристики: выделение из родительской семьи (Y_t^A), вступление в первый союз (Y_t^B), родительство (Y_t^C), где $t = 1, 2, 3 \ldots T$. Эти процессы можно представить как дихотомические: 0 — живет с родителями, 1 — покинул родительский дом; 0 — не живет с партнером, 1 — живет с партнером; 0 — не является родителем, 1 — является родителем.

Оставляя в стороне процесс родительства представителей молодого поколения, представим возможные сочетания этих событий: (0, 0) — живет с родителями и не в союзе с партнером; (1, 0) — оставил родительский дом, не в союзе с партнером; (0, 1) — живет с родителями, но имеет союз с партнером; (1, 1) — оставил родительский дом, живет в союзе с партнером. Таким образом, начальная и конечная точки процесса: живет с родителями, не в союзе с партнером (0, 0) — оста-

вил родительский дом, живет в союзе с партнером (1, 1). В этом случае должны быть оценены две взаимосвязанные модели: модель вероятности покинуть родительский дом, когда индивид вступает в союз, и модель вероятности создания союза, когда индивид покинул родительский дом.

Нередко оба события (выделение из родительской семьи и вступление в союз) происходят параллельно и являются взаимосвязанными. При моделировании двух параллельных и, по-видимому, взаимосвязанных процессов у них должна быть общая история, H_{t-1}, так что:

$$\Pr(У_t^A = y_t^A, У_t^B = y_t^B \mid H_{t-1} =$$

$$Pr(У_t^A = y_t^A \mid H_{t-1}) \cdot (У_t^B = y_t^B \mid H_{t-1}). \quad (4)$$

В результате могут быть построены модели для двух типов переходов:

(A) Живет с родителями — Оставляет родительский дом.

(B) Не состоит в союзе — Вступает в союз.

Обе эти модели предполагают моделирование времени до наступления того или иного события в зависимости от набора характеристик (ковариат). Такого рода модели предложены Д. Коксом и получили название *survival analysis* или *hazard model*.

В регрессионной модели Кокса (hazard-модели) в качестве зависимой выступает переменная времени:

$$h(t) = h_0(t)\exp(\alpha_1 x_1 + ... + \alpha_k x_k), \quad (5)$$

где

$h_0(t)$ — базовый уровень риска;

$x_1, x_2, ..., x_k$ — объясняющие переменные.

Применительно к нашей задаче опыт построения двух вероятностных моделей (*hazard model*) показывает, что оставление родительского дома является первым, и это событие стимулирует вступление в союз, а не наоборот (Billari, Rohwer 1999). Для разных поколений временной интервал между этими событиями и последующим рождением ребенка будет различным, причем разрыв изменяется по странам мира для мужчин и женщин. Заметим, что в условиях России весьма высока вероятность того, что последовательность событий будет нарушаться, т. е. вступление в союз может предшествовать отделению от родительского дома.

Часто в задачах моделирования социальных процессов используются logit-модели, которые относятся к моделям дискретного выбора (бинарного или множественного). Логит-модели позволяют моделировать зависимость выбора двух и более альтернатив от набора характеристик, которыми обладает агент, делающий выбор.

Общая формула логистической регрессионной модели следующая:

$$Y \sim B(1, p),$$
$$p = E(Y \mid X) = \frac{\exp(\beta X)}{1 + \exp(\beta X)}, \qquad (6)$$

где

$B(1, p)$ — биномиальное распределение с вероятностью результата p,

Y — зависимая переменная;

$X = (x_1 \ldots x_k)$ — независимые переменные;

β — структурный параметр модели.

Распространенность таких моделей объясняется расширением спектра выбора респондентов: вступать в брак (в смысле регистрации брачных отношений) или нет, рожать ребенка / детей или нет, осуществлять уход за престарелыми родителями своими силами или привлечь работников социального бизнеса или государственной социальной службы. В любом случае та или иная постановка задачи моделирования межпоколенных связей будет способствовать более глубокому пониманию проблемы.

Заключение

Межпоколенные связи принадлежат не только традиционному, но и современному обществу. Актуальность их исследования растет в связи с демографическими и социальными процессами. С течением времени межпоколенные связи становятся все более разнообразными в результате роста числа участников родственных контактов: распространения семей с двумя и более детьми, наличия сводных братьев и сестер как характеристики, сопутствующей высокой разводимости. Происходит развитие сетевого взаимодействия домохозяйств, растет вовлеченность мужчин в родительство, учащается взаимодействие свояков и свояченицы (родителей мужа и жены). Все эти частные аспекты интегрируются в расширении разнообразия типов семей и образа жизни. В качестве подтверждения последнего отметим некоторые

моменты, получившие отражение в книге о. А. Кураева «Женские вопросы к Церкви» (Кураев 2017) и затронутые на встречах автора книги с читателями в июне 2017 г., в ходе которых обсуждались вопросы: «Могут ли быть супружеские отношения в пост?», «Сделать аборт или родить вне брака?» и т. п. То, что вопросы такого рода возникают, подтверждает дисперсность, многогранность реальности, сосуществование традиционного мышления и поведенческих установок наряду с такими явлениями, как смена пола или отказ от рождения детей (*free-child family*).

Усложнение структуры родственных взаимосвязей привело к постановке задачи выявления социально значимого члена «расширенной семьи». Результаты, полученные О. Н. Бурмыкиной (Бурмыкина 2015), свидетельствуют о приоритетной роли матери, затем, с довольно большим отрывом, обозначена значимость отца; следующий уровень «расширенной семьи» составляют братья и сестры, бабушки и дедушки; еще реже социально значимыми членами оказываются дяди и тети и другие родственники. Налицо сетевая структура расширенной семьи с выраженным ядром и периферией. Это явление, наряду с приостановлением процесса нуклеаризации семей, свидетельствует о возникновении новых потребностей в родственном общении и взаимопомощи. Существенный прогресс достигнут в области изучения частных межпоколенных трансфертов.

Каждое исследование межпоколенных отношений вносит свой вклад в контекст результатов и выводов, полученных предшественниками.

Краткий обзор методологических проблем изучения межпоколенных связей свидетельствует о потребности в развитии научной методологии: уточнении объекта исследования, принципов организации сбора данных, актуализации программы исследования, разработки методологии анализа при переходе от индивидуальных к социальным характеристикам межпоколенного взаимодействия.

Источники

Бурмыкина О. Н. Межпоколенные взаимодействия в семье: поддержка и социальные сети // Семья в России и Китае: процесс модернизации / Под ред. И. И. Елисеевой и Аньци Сюй. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 199–232.

Бурмыкина О. Н. Новые тенденции в развитии семьи и межпоколенных отношений // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для

России и Китая. Препринт. РГНФ, грант № 16–23–22–002. СПб.: Росток, 2016. С. 55–72.

Гладникова Е. В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 93–110.

Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет / под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006.

Елисеева И. И. Старение населения и организация жизни пожилых людей: случай России // Петербургская социология сегодня. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 11–35.

Елисеева И. И., Курышева С. В. Фиктивные переменные в анализе данных // Социология 4М. 2010. № 30. С. 43–63.

Иванова Е. И. Поколение в зеркале социально-демографического анализа. М.: РГГУ, 2016.

Крецер И. Ю. Социокультурные паттерны родственных отношений в условиях большого города (на примере Санкт-Петербурга): Автореферат дисс. ... канд. социол. наук. СПб.: СПбГУ, 2017.

Кураев А. В. Женские вопросы к Церкви. М.: Проспект/РГ-Пресс, 2017.

Миронова А. А. Частные межпоколенные трансферты в различных типах домохозяйств: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2016.

Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 517–544.

Российское население в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа, 2009.

Ружже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Опыт исследования семейных групп // Социологические исследования. 1976. № 1. С. 113–120.

Ружже В. Л, Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика, 1983.

Сюй Аньци, Сюэ Ялн. Структура семьи // Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И. И. Елисеевой и Аньци Сюй. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 145–196.

Ageing, intergenerational relations, care systems and quality of life — an introduction to the OASIS project / S. O. Daatland, K. Herlofson (eds). Norwegian Social Research. NOVA rapport 14/01.

Bengtson V. Beyond the nuclear family: The increasing importance of multigenerational bonds (The Burgess Award Lecture) // Journal of Marriage and Family. 2001. Vol. 63 (1). P. 1–16.

Billari F. C., Rohwer G. Some Developments in Methods for Life Course Analysis and Their Applications / Societa Italiana di Statistica, Atti della XXXiX Riunione Scientifica, Istituto di Statistica e Matematica, Instituto Universitario Navale. Napoli, 1999. P. 325–336.